

УДК 009:82-1 (Гуманитарные науки в целом. Поэзия. Стихи, оды, поэмы, баллады и т.д.)

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.И.ЦВЕТАЕВОЙ И А.А.АХМАТОВОЙ

© 2016 Т.А.Самсонова

Самсонова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: samsonovv1@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Каждый поэт в комплексе своих лирических произведений выстраивает собственный образ: через систему ценностей, через художественные ориентиры, лирические параллели, через сравнения и противопоставления. Чрезвычайно важный аспект, присущий специфике лирической номинации, – введение в лирическую композицию поэтического произведения авторского имени в особом его преломлении. Выстраивая на страницах своих стихотворений собственный образ, автор творит его так же, как и само произведение. Обыгрывание своего имени, псевдонима, прозвища, новаторское переосмысление самого себя представляет собой интересную область для исследования различных способов самономинации автора. В данной статье мы постарались рассмотреть, как «работает» имя самого автора – реальное или псевдоним, что оно может рассказать о характере человека, его пристрастиях и жизненных ценностях. Нужно отметить, что коснулись мы лишь некоторых моментов построения лирического образа поэта через его имя; проанализировали стихотворения М.Цветаевой и А.Ахматовой – ярких, незаурядных женщин, талантливых поэтесс.

Ключевые слова: введение в лирическую композицию произведения; имя собственное как лирический образ поэта; анализ стихотворений М.Цветаевой и А.Ахматовой.

Семантическое значение собственного имени – Марина – «морская» – переносится Цветаевой в лирические произведения. Уже в первом сборнике появилось стихотворение «Душа и имя», в котором автор четко раскрывает собственную поэтическую сущность. Противопоставление уже в самом начале произведения души лирической героини, стремящейся к светским увеселениям и «имени», как некоего выхода в иной мир, с другой системой ценностей, обращает наше внимание на сложность и неоднозначность характера героини. И эта двойственность, заявленная в самом начале творческого пути, становится неизменным спутником автора: «До самого конца жизни эта двойственная позиция внутреннего мира – и окружающего, внешнего у Цветаевой сохранилась» [1, 161]:

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал бог:
Морские они, морские. [2, с. 41–42]

Л.Козлова считает, что в этом стихотворении Цветаева «заявляет об отказе от общепринятых – для “тех” – развлечений: вальсов, балов. Она протестует против четырех стен вообще – и это останется у нее на всю жизнь» [3, с.48].

Свою связь с морской стихией автор многократно подчеркивает в разных лирических вариантах. Л.Козлова пишет: «Экстаз волны, – миг пены в самом завитке ее верхнего стояния – вот Марины поэтическая вечность. Полное самораскрытие и самораспятие – судите, люди, вот я какая!» [3, с.79]. «Морские» мотивы часто можно встретить в ее произведениях:

И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен [2, с.48]

Другое:
– Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.

О, вспененный, высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской! [2, с.119]

Еще пример:
...Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Выглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил – морскую!
Морская канула в моря!» [2, с.127]

Вообще морские мотивы можно считать одной из «визитных карточек» лирических произведений, связанных с именем и творчеством М.Цветаевой. Так, говоря о поэтических посвящениях разных лет, Р.Нутфуллина замечает, что среди них есть произведения «где не звучит фамилия, имя Марины Цветаевой, но есть знаки-символы, по которым ее присутствие угадывается» [4, с.268]. И чаще всего это знаки-символы морской тематики.

Подобная самоидентификация по имени наблюдается и в лирике Ахматовой. Сама она прекрасно знала о значении своего имени, и неоднократно использовала его толкование «благодать» в различных контекстах в поэтических произведениях. Впервые в ее стихотворение имя попало в 1913 г.:

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещеньи – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха [5, Т.1,
(1998), с.146].

В этом стихотворении о юности, о том времени, когда так обострено чувство жизни, желание свободы, и имя лирической героини воспринимается как поэтическое ожидание счастья. Здесь же автор описала и свое первое знакомство с Музой – смуглой иностранкой, которое воспринимала как радостное событие, ожидание благодати:

Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душевной,
Как к милому, когда поет любовь [5, с.147].

Сама Муза, не названная здесь по имени, хоть и обозначается поэтом как иностранка, имеет в своем лирическом портрете очень четко выраженные черты сходства с самой Анной: она «стройная», «смуглая», говорит «неспешно», у нее чудесные глаза и «гладкая прическа». Отождествляя себя с самой поэзией, юная Ахматова, соответственно, отождествляла свой поэтический дар со щедрым подарком судьбы. В ранней лирике она так и называла его – «первой песни благодать» [5, с.417], в отличие от более поздних стихотворений, когда она неоднократно хулила свой дар, искала забвения.

Встреча Ахматовой с Борисом Анрепом способствовала появлению в лирике поэта новой

темы – темы обретенной благодати в любви. С этим человеком поэтесса связывала свои мечты и чаяния, он сумел наполнить ее жизнь и лирику новым смыслом. Ему посвящены следующие строки:

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что всем я все простила.
Ты будешь Ангелом моим. [5, Т.1, (1998), с.258]

Другое:
Ты – солнце моих песнопений,
Ты – жизни моей благодать [5, с.259].

Еще пример:
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй! [5, с.283]

Данные примеры не очень типичны для любовной лирики Ахматовой – ведь ее называли «певцом несчастной любви». Однако в этих стихотворениях она описывает если не состояние, то ожидание земной, женской благодати – взаимной любви.

Если построение собственного образа в лирике у Цветаевой связано с ее именем – Марина, – то для Анны Ахматовой было принципиально важно, чтобы в произведениях можно было увидеть намеки и на ее литературную фамилию. Вообще, принятие псевдонима и дальнейшая его реализация в поэтических произведениях – важный момент в творчестве любого поэта.

В.Виленкин вспоминал, как Ахматова рассказывала о том, что «ее предка по имени Ахмат или Ахмет на протяжении столетий анафематствовали в московском Вознесенском монастыре, поминая татарское нашествие» [6, с. 97]. Не эти ли проклятия предопределили литературную судьбу поэта?

Ее творчество не раз было подвергнуто гражданской казни, а имя предавалось литературной анафеме:

Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гудит [5, Т.2, кн.2 (1999), с.34].

Это стихотворение написано в 1959 г., во время ее, так называемого, второго периода молчания. Однако, еще начиная с 30-х годов тема казни, пытки, гражданской смерти прочно вошла в лирику Ахматовой, прекрасно иллюстрируя всю ту атмосферу ненависти, страха, хулы критиков, неприятия и непонимания, в которой она про-

жила долгие годы. Пример этому – следующее стихотворение:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб, хихикая и не веря,
Иноземцы бродили вокруг.
И писали в почетных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час [5, Т. 2, кн. 1,
(1999), с. 220].

Печального и возвышенного тона стихотворения не снижают «не литературные» выражения: «на кровавый подымете крюк», «хихикая», «бродили вокруг». Однако очень горько звучат строки, в которых автор перечисляет свои «заслуги»: «что мой дар несравненный угас, / Что была я поэтом в поэтах». Прибегая здесь к практически прямому цитированию высказываний критиков о своем творчестве, она сожалеет, что образ ее как поэта и человека весьма искажен в зарубежной печати, у «иноземцев», что они судят ее, ничего о ней не зная. По мнению Н.Королевой, поводом к написанию стихотворения послужили мемуарные записи русских эмигрантов, искажавшие многие факты действительности [5, с.609].

В поэтическом мире Цветаевой, как и у Ахматовой, есть место историческому мифу. Если Ахматова напрямую связывала свою литературную судьбу с историческим прошлым времен татарского ига, то Марина Цветаева из всех исторических персонажей выбрала для сравнения польскую авантюристку Марину Мнишек. Именно она стала героиней цикла «Марина» 1921 г. Проведя некоторые параллели в собственной биографии и биографии Мнишек, автор находит несколько сходных моментов. Во-первых, она указывает на собственное польское происхождение (польская бабушка и прабабушка упоминаются в ее стихах). Во-вторых, Цветаева отмечает, что обе они – обладательницы сильных, сложных, противоречивых характеров. И обе страстно желали земной любви, жгучего женского счастья:

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть – Мариной!
Вестовой, часовым, гонцом –

Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон [2, Т.1, с.146].

Противоречивую сущность своей героини Цветаева раскрывает даже на композиционном уровне. Как считает А.Саакянц «цикл построен на противопоставлении: любящая, самоотверженная героиня – плод романтического вымысла – в 1-м и 4-м стихотворениях и расчетливая авантюристка – реальное историческое лицо – в 2-м и в 3-м» [2, с.633]. Печальная участь героини стихотворений вызывает сочувствие автора, однако Цветаева не ищет оправданий злодеяниям реальной Марины Мнишек, не старается реабилитировать ее в глазах читателей.

Возвращаясь к творчеству Ахматовой, следует заметить, что чаще всего себя она называла «Анна Ахматова» или (в последние годы) «Анна Андреевна Ахматова». Почему же автор часто говорит о своем имени как о «горьком»? Вот, например, стихотворение «Имя»:

Татарское, дремучее
Пришло из никогда,
К любой беде липучее, –
Само оно – беда [5, Т.2, кн.1, (1999), с.219].

Подзаголовок стихотворения (А.А.А.) – три первоначальные буквы инициалов вынесены в заглавие, думается, не случайно. Подписывалась автор чаще всего как «Анна Андреевна Ахматова», то есть употребляла полное сочетание имени, отчества и фамилии. И есть все основания предполагать, что «само оно – беда», относится к этому сочетанию, как к единому поэтическому имени. В контексте прямого авторского указания на исторические корни псевдонима, сочетание «из никогда» можно осмыслить как то, что Анна Андреевна относилась к «татарской истории» все-таки как к легенде, семейному преданию, не претендующему на какое-либо соответствие настоящим историческим событиям.

Исходя из вышеизложенного, можно определить творческий псевдоним «Анна Ахматова», как «благодать – проклятие» в дословном переводе. Такая антитеза, заключающаяся уже в самом ее поэтическом осмыслении себя как поэта-творца проходит красной нитью сквозь все ее творчество, начиная с самых ранних произведений. Б.Эйхенбаум писал: «Лицо поэта в поэзии – маска» [7, с. 544]. Большое количество поэтических образов-масок, которые примеряет ее лирическая героиня антонимичны по своей сути: «монашенка» – «блудница»; «нищая» – «королева»; «порочная» – «невеста», «жена»; «пастушка» – важная «дама» и так далее. И во время такого «поэтического метания» ее героини из крайно-

сти в крайность в лирику Ахматовой входит мотив двойничества, осознания своей нереальности, существования как бы за гранью реального мира:

Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины [5, Т.2, кн.1,
с.172].

Подобное можно увидеть и в лирике Цветаевой. Тяготение к морской тематике, сопоставление себя и моря, имеет на наш взгляд сложную психологическую природу. Характер моря, как известно весьма противоречив. Оно легко может обмануть штилем или легкой волной, когда в глубине его кипит необузданная стихия. И свой характер Цветаева сравнивала с морской переменчивостью. Многие современники удивлялись, сколько страстей таила в себе эта женщина, какие противоположности уживались внутри ее сильной, неординарной личности. А Л.Козлова о противоречивости цветаевской героини пишет: «Уже в ранних стихах обозначились две сущности взрослой Марины, две ее разные ипостаси, если не сказать – взаимоисключающие. С одной стороны – грусть, тоска, – как обычное состояние в повседневности – и вечное заглядывание за край жизни... С другой – яркая, предельная (беспредельная!) радость жизни...» [3, с.5–6]. И в лирике это нашло свое отражение:

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень... [2, с.39 – 40]

Другой пример:

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть –

Во мне! – Все каторжные страсти
Слились в одну! [2, с.51]

Исследователь А.Павловский замечал: «Поразительно, как настойчиво – в разных стихах – примеряет и примеряет она к себе самые различные одеяния, поступки, жесты, пробует походку, похожую на ветер, становится цыганкой, счастливой любовницей, неверной женой, клятвopепреступницей и грешницей» [9, с.84]. О.Клинг

считает, что «в поэтической системе Цветаевой вообще целая система двойников» [10, с.58].

Интересно и то, как обе женщины видели себя, свое творчество в русской литературе. По мнению Т.Яковлевой, обращение Ахматовой в ранней лирике к «историческому» псевдониму «претендует на живую связь с историей, на законность и закономерность будущей славы» [10, с.16]. К историческому, как очень важному элементу ее поэтического мира, направляют читателей и ее «признания» в том, что она – «чингизидка», и обращение к Азии как к «родине родин», и другие примеры. Но важнее, на наш взгляд то, что Ахматова осознавала себя как Поэта только в связи с историческим развитием литературного процесса (особенно в поздний период творчества). Она не только намекала на родство с известным историческим лицом, но и сама создавала личность знаменитого поэта вне каких-либо временных рамок. В «Слове о Пушкине» она писала: «Он победил и время, и пространство. Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург...» [5, Т.4, (2000), с.275]. И тут же сокрушается: «Ахматовской звать не будут / Ни улицу, ни строфу» [5, Т.2, кн.1, (1998), с.119]. И все же, не смотря ни на что, этой женщине удалось достичь вершин поэтического мастерства. Очевидно, что каким бы анафемам ни предавалось ее имя, она всегда верила и надеялась на незабываемость своего творчества, на любовь и память потомков:

Но все-таки услышат голос мой.
И все-таки ему опять поверят [5, т.1,
(1998), с. 457].

Осознание себя как поэта пришло к Цветаевой рано. И основную задачу свою она видела в том, чтобы «донести все, что прочувствовала и написала до людей, отдать свое душевное богатство» [1, с.161]. Уже в стихотворении 1913 г. она четко и ясно раскрыла особенности своей лирики:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам... [2, с.45]

Не обольщаясь скорой и громкой славой, она называет свои стихи «нечитанными», «разброшанными в пыли по магазинам». О.Клинг считает, что основное в этом произведении – «мотив невостребованности» поэта [9, с.40]. Но, как и

Ахматова, Цветаева верит в собственное бессмертие:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед. [9, с.45]

Таким образом, собственное литературное имя автора, актуализируясь на различных лири-

ческих уровнях, создает сложный образ поэта в лирике. Он отличается противоречивостью, отражает различные грани характера поэта, помогает во всей полноте показать своеобразие и богатство его художественного мира.

1. Козлова, Л. «Я и мир» Константина Паустовского и Марины Цветаевой // «Через сотни разъединяющих лет»: Материалы V Международных Цветаевских чтений. Елабуга, Изд-во ЕГПУ, 2011. С. 161
2. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 2 томах. Т. I. М., Изд-во Художественная литература, 1988. С. 41–42.
3. Козлова, Л. Танцующая душа. По поэтическим следам Марины Цветаевой. Ульяновск, Изд-во Симбирская книга, 1992. С. 48.
4. Натфуллина, Р.А. Поэтические посвящения Марине Цветаевой. Новые материалы // «Через сотни разъединяющих лет»: Материалы V Международных Цветаевских чтений. Елабуга, Изд-во ЕГПУ, 2011. С. 268.
5. Ахматова, А.А. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. I. М., Изд-во Россия, 1998. С. 146.
6. Виленкин, В. В сто первом зеркале. Издание 2-е, доп.. М., Изд-во Советский писатель, 1990. С. 97.
7. Эйхенбаум, Б. Анна Ахматова // Анна Ахматова: pro et contra: антология. Т.1 / сост., вступительная статья, примечание. Св. Коваленко. СПб., РХГИ, 2001. С. 544.
8. Павловский, А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. Л., Изд-во Советский писатель, 1989. С. 84.
9. Клинг, О.А. Поэтический мир Марины Цветаевой: в помощь старшеклассникам, абитуриентам, преподавателям. М., Изд-во МГУ, 2004. 112 с. С. 58.
10. Яковлева, Т. «Анна»: мозаичный миф в ранней лирике А.А.Ахматовой // Поэтика имени: сборник научных трудов / под редакцией Г.П.Козубовской, И.Н.Островских. Министерство образования и науки РФ, Барнаул, Государственный педагогический университет Барнаул, Б. и., 2004. 124 с. С. 16.

OWN NAME AS A POETIC IMAGE IN LYRICAL WORKS OF M.I.TSVETAEVA AND A.A.AKHMATOVA

© 2016 T.A.Samsonova

Tatyana A. Samsonova, Candidate of Philology, Lecturer of Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature. E-mail: samsonovv1@yandex.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia

Each poet builds own image in a complex of the lyrical works: through system of values, through art reference points, lyrical parallels, through comparisons and oppositions. Extremely important aspect inherent in specifics of the lyrical nomination is introduction to lyrical composition of the poetic work of an author's name in its special refraction. Building own image on pages of the poems, the author creates it as well as the work. The outgaming of the name, a pseudonym, a nickname, innovative reconsideration of itself represents interesting area for a research of various ways of the author's self-nomination. In this article we tried to consider how the name of the author is real or a pseudonym, what it can tell about character of the person, his addictions and vital values. It should be noted that we concerned only some moments of creation of a poet's lyrical image through his name; bright, uncommon women, talented poetesses M.Tsvetaeva and A.Akhmatova's poems are analysed.

Keywords: introduction to lyrical composition of the work; proper name as poet's lyrical image; analysis of poems of M.Tsvetaeva and A.Akhmatova.

1. Kozlova, L. «Ia i mir» Konstantina Paustovskogo i Mariny Tsvetaevoi ("I and world" Konstantin Paustovsky and Marina Tsvetaeva). «Cherez sotni raz'ediniushchikh let»: Materialy V Mezhdunarodnykh Tsvetaevskikh chtenii. Elabuga, Izd-vo EGPU, 2011. S. 161.
2. Tsvetaeva, M.I. Sbranie sochinenii: V 2 tomakh. T. I. (Selected works: in 2 volumes. Volume I). M., Izd-vo Khudozhestvennaia literatura, 1988. S. 41–42.
3. Kozlova, L. Tantsuiushchaia dusha. Po poeticheskim sledam Mariny Tsvetaevoi (The dancing soul. On poetic traces of Marina Tsvetaeva). Ul'ianovsk, Izd-vo Simbirskaiia kniga, 1992. S. 48.

4. Natfullina, R.A. Poeticheskie posviashcheniia Marine Tsvetaevoi. Novye materialy (Poetic dedications to Marina Tsvetaeva. New materials). «Cherez sotni raz"e-diniaishchikh let»: Materialy V Mezhdunarodnykh Tsvetaevskikh chtenii. Elabuga, Izd-vo EGPU, 2011. S. 268.
5. Akhmatova, A.A. Sobranie sochinenii: V 8 tomakh (Selected works: in 8 volumes. Volume I). M., Izd-vo Rossiia, 1998. T. I. S. 146.
6. Vilenkin, V. V sto pervom zerkale. Izdanie 2-e, dopolnennoe (In the hundred first mirror. The edition 2 added). M., Izd-vo Sovetskii pisatel', 1990. S. 97.
7. Eikhenbaum, B. Anna Akhmatova (Anna Akhmatova). Anna Akhmatova: pro et contra: antologiya. T.1 / sost., vstupil'naia stat'ia, primechanie. Sv. Kovalenko. SPb., RKhGI, 2001. S. 544.
8. Pavlovskii, A. Kust riabiny. O poezii mariny Tsvetaevoi (Mountain ash bush. About poetry of Marina Tsvetaeva). L., Izd-vo Sovetskii pisatel', 1989. S. 84.
9. Kling, O.A. Poeticheskii mir Mariny Tsvetaevoi: v pomoshch' starsheklassnikam, abiturientam, prepodavateliam (Poetic world of Marina Tsvetaeva: for the aid to seniors, entrants, teachers). M., Izd-vo MGU, 2004. 112 s. S. 58.
10. Iakovleva, T. «Anna»: mozaichnyi mif v rannei lirike A.A.Akhmatovoi ("Anna": the mosaic myth in early lyrics of A.A.Akhmatova). Poetika imeni: sbornik nauchnykh trudov / pod redaktsiei G.P.Kozubovskoi, I.N.Ostrovskikh. Ministerstvo obrazovaniia i nauki RF, Barnaul, Gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Barnaul, B. i., 2004. 124 s. S. 16.